

Леонид Лейдерман

Как я стал инженером

С Толей С. мы учились на филфаке одесского университета – еще тогда, когда университетов в городе было всего один. Учились на заочном отделении и работали. Отучились, защитились, получили свои дипломы и разбежались каждый в свою сторону. Я – на крекинг-завод, Толя – в лабораторию в каком-то техническом НИИ. По окончании учебы оба собирались поменять профессию, но на эту тему как-то не говорили.

И вдруг – телефонный звонок: Толя предлагает мне работу.

Оказывается, в его НИИ начал издаваться специальный журнал. Для журнала нужен человек с профессиональным знанием языка, однако никого со стороны не искали, ждали Толю, пока он не окончит свой филфак. А он вдруг извещает свое начальство, что у него изменились обстоятельства, ему сделали другое предложение. И он обещает поискать кого-нибудь вместо себя.

Заканчивались шестидесятые годы. В Одессе преподавателей языка и литературы – хоть пруд пруди, найти работу – проблема из проблем, а тут человек отказывается от готового места. Что же ему такого предложили? А предложили Толе место инструктора райкома партии. И чем же это лучше? Ведь инструктор райкома все равно что Ванька-взводный в армии – всё на нем и спрос с него же... Так-то оно так, но есть нюанс: перспектива получения квартиры. А вот это уже совсем другой разговор!

На Черемушках вокруг первых заселенных домов непролазная грязь – большое строительство только-только разворачивалось. В городе – тысячные очереди на жилье. Еще тысячи только мечтают попасть в очередь. А тут – обещают квартиру. Надо соглашаться!

В Толином НИИ это еще как понимали, Толю отпускали и благословляли, но – хорошо бы подыскать замену. Вот он и позвонил.

Тут надо заметить, что и я, и Толя, во-первых, были активными участниками разных общественных событий и, во-вторых, лояльны к социалистической идее. И потому состояли в партии – коммунистической, естественно. При этом мы, конечно, осуждали культ личности Отца и Учителя, ждали и не дождались партийной «чистки», и все-таки – каждый сам по себе – в партию вступили. А поскольку партия – это союз восемнадцати миллионов единомышленников, то и мы едино мыслили, что квартира работнику райкома нужна скорей, чем работнику нерайкома. То есть Толе действительно светило более-менее скорое жилье. И я был этому искренне рад. Но выручить его и стать ему заменой – не мог. Потому что собирался работать в газете.

Вообще-то, я не всегда собирался работать в газете.

Когда я еще только оканчивал семилетку, было уже ясно, что за учебу в восьмом классе платить нечем (а платить тогда надо было, страна не доросла еще до обязательного среднего образования). Нужно было или идти работать, или учиться там, где за учебу не нужно платить. Вот тогда впервые встал вопрос: а кем же я хочу быть?

Не знаю, как в другие времена, но в советское время такой вопрос был вполне естественным. Страна безграничных возможностей! Кто был ничем, тот станет всем! Только учись хорошо и веди себя прилично... Правда, каждый этап нашей героической истории имел свои престижные профессии. И когда мальчики мечтали стать пограничником с овчаркой на поводке, мало кто слышал о Циолковском, а когда многие видели себя космонавтами, уже мало кто мечтал о границе на реке Амур.

Мне и моему товарищу по школе Витале Денисенко было по четырнадцать лет. В глубине души нам было досадно, что победная война с фашистами закончилась без нашего личного участия. Может быть, поэтому мы с ним решили поступать в летное спецучилище, военное, на базе семилетки, – было такое в Одессе. Мы не знали, кого, каких специалистов спецуха готовит, но что будем летать – в этом не сомневались. Был в нашем устремлении и материальный интерес. За восьмой класс надо платить,

а за училище – нет. В школу нужно иметь и обувь, и одежду, а тут форма – и зимняя, и летняя, еще и кормят.

Правда, опасались, что нам дадут от ворот поворот по здоровью (туда хлипких не берут!). И по этой причине пошли мы во взрослую поликлинику на предварительный осмотр: если здесь пройдем, то и там пройдем, а если не пройдем... Вышло, как боялись, – здесь не прошли, а выходит, и туда не пошли. А жаль. Для дома было бы выгодно. Принести в дом мы ничего не могли, так хоть сэкономить!

Один раз я заработал пятьдесят рублей. Это моя бабушка похвасталась какой-то своей подруге, что я, ее внук, круглый отличник в своем седьмом классе. А подруга ее, наоборот, погорчалась, что ее внук совсем не отличник. И попросила мою бабушку, чтобы я с ее внуком позанимался перед экзаменами. И что она отблагодарит. «Отблагодарит» – это вызвало двоякое чувство. С одной стороны, в классе мы кому надо и так всегда помогали, за это и спасибо вроде ни к чему. С другой стороны, парень совсем даже из другой школы, я тут при чем? Позанимались мы с ним, всё он сдал благополучно, только за деньгами я постеснялся пойти – бабушке их отдал. Но гордость была: в дом деньги заработал!..

Седьмой класс позади, решил пойти учиться в машиностроительный техникум. Предложили сварочное отделение. Дома никто не возразил – специальность вроде для мальчиков. Стипендию назначили только на первый семестр, а дальше – как сессию сдадим. Но в этом техникуме я всего семестр и пробыл. Через четыре месяца меня досрочно выпустили – отчислили за подрыв авторитета классного руководителя. Вот фокус! Спасибо, не было такой статьи в уголовном кодексе – с ней я бы далеко не ушел... (Наверно, страна требовала от нас вести себя не «прилично», а – «прилежно». Чтобы наше поведение «прилегало», гладко прилегало к писаным и неписаным правилам. Без всяких там сучков и подрывов.)

На домашнем совете мое неприлежное поведение очень резко осудили и решили, что до осени, до попытки поступить в другой техникум, придется мне где-то поработать. Мол, не ценил стипендию – оцени зарплату... И определили в артель «Канцкультпром» – по культурной части. Помогал клеить настольные игры, а там и за токарный станок пустили – точить по дереву. Артель была на Заславского, бывшей Мещанской, станок настоящий, а точили

на нем ненастоящие фюзеляжи и моторчики для игрушечных самолетов. (Все-таки самолетов!) На станке можно было точить, конечно, не только это. Мой учитель, толстенький и лысый строгий человек по фамилии Нусбаум, умел точить и изящные шахматные фигурки, и, как о нем говорили, бильярдные шары! Высший пилотаж!

А я пока что забивал молотком деревянную заготовку в бабку станка, обдирал деревяшку полукруглой стамеской, а дальше уже стамеской плоской доводил цилиндр до нужных размеров. Пальцами левой руки нужно было прикрываться от коварной стружки, а она все норовила попасть в какой-нибудь глаз. Однажды таки попала! Пришлось ехать в «Скорую» на Ольгиевскую... Мне уже платили от выработки, и к концу дня я обычно знал, сколько сегодня заработал. Заработок, жаль, был небольшой. Но в дом!

Останься я там – вышел бы из меня нормальный токарь по дереву. Но считалось тогда, что если уж хорошо окончил семь классов и если могут тебя дома поддержать, то нужно где-то учиться, то есть не просто получить профессию, а – иметь специальность.

На углу Базарной, тогда – Кирова, большим рекламным щитом приглашал на учебу нефтяной техникум. Технологи, механики, строители, экономисты... Механики – вполне для мальчиков. Ушел из артели, поступил в техникум. Между прочим, богаче, чем другие теникумы, – стипендия самая большая в городе. Специальность – техник-механик по транспорту и хранению нефти и газа. Что это такое? Мы толком и не знаем. Хоть официально мы учащиеся, но считаем себя студентами, это и есть пока наша специальность. А что будет потом? Будет что будет.

Стипендия больше, чем у других, но денег, как это обычно бывает с деньгами, не хватало. Поэтому подрабатываем, где можем. В порту в ночную смену на судах готовим трюмы к погрузке, подметаем причалы, угощаемся арахисом у добрых тетенок в складах и возлегаем на тюках английской шерсти под восход солнца над обрезаем моря. Ну и учимся, конечно. А на летние каникулы, кому очень надо, тоже подражаемся на работу. Заодно знакомимся с разными другими профессиями.

С кровельщиками я заделывал раствором солнечные щели в уложенной черепице, пока на чердаке не становилось темным-темно. Красил крыши и как-то по свежей краске поехал, как

на лыжах, вниз по скату с полным ведром краски в руке. Ехал, пока не уперся ногой в бортик. И с крыши не упал, и, что немало важно, ведро с краской не выпустил... Водосточные трубы тоже красил – с подвесной люльки. Как-то ухнула моя люлька вниз, но, к счастью, ненадолго – подломилась железная пелена на краю крыши. Только и успел что испугаться...

В те годы стиральных машин еще не было, и каждая хозяйка была сама себе прачка. У прачки какой инструмент? Выварка, корыто да стиральная доска. И всё из оцинкованного железа... С оцинковщиками я окунал в ванну с расплавленным цинком стиральные доски. Однажды брызнуло на левую руку – и на пальце будто клеймо. Шрам в виде маленькой теннисной ракетки. Долго не ходил. Шрамы украшают мужчину!

Со строителями-арматурщиками вязал плиту перекрытия на молочном корпусе Привоза – до сих пор стоит! В левой руке моток отожженной проволоки, поддеваешь кончик под перекрестье железных прутьев, а кусачки в правой уже кончик подхватили, провернули, раз – откусили. Всё! Можно подвинуться дальше, под новое перекрестье... Ты вяжешь, а солнце кладет на плечи загар...

На Преображенской угол Дерибасовской, на тротуаре на большом листе железа лопатами замешивали бетон для цементной стяжки в гастрономе. (Нас после работы позвали вниз, в подвалы, – разрешили купить по две палки московской колбасы. Куда ее, такую дорогую? А надо брать, это ж дефицит, наверху на прилавке не увидишь.)

В последние два года учебы стали проясняться контуры будущего. Производственную и преддипломную практику проходили на газопроводе «Дашава – Киев – Брянск – Москва», под Тернополем. Более-менее представили себе, на какие работы можем попасть, если распределимся на газопроводы.

Но перед окончанием техникума я женился, и это сильно повлияло на контуры будущего. При выборе назначения я уже интересовался не столько характером работы, сколько надеждой попасть в Министерство обороны. А вдруг повезет, и три года отработки зачитают за три года службы в армии! Министерство-то одно!

Изменилось и отношение к деньгам. Если раньше была забота, чтобы мои домашние меньше на меня тратились, то теперь нужно

было строить какой-то свой дом, а это уже совсем другие деньги! Вот получил назначение. Узбекистан. Карши. У военных шутка: «Бог создал три дыры – Карши, Кушку и Мары». А как в эту дыру добираться, если подъемные вы платят там, куда ты прибудешь? Что это за подъемные, когда подняться не за что? Пошел на стройку к родным арматурщикам – зарабатывать на дорогу к месту основного заработка. Выручили, признали и за две недели выплатили столько, сколько раньше платили за месяц. Видимо, как дипломированному...

Моя специальность на военном складе ГСМ относилась к инженерно-техническим и называлась «старший приемосдатчик». Но я ее тут же променял на благородную профессию слесаря-трубопроводчика: у того месячный оклад чуть не на треть больше. Мне показали кузнечный мех, какому место, наверное, в музее. Я научился надевать когти электрика и взбираться на деревянные столбы. А притирать задвижки под солнышком в пятьдесят четыре градуса? Тут уж не до загара. Местный напарник под зонтом, я под кепочкой...

Только и здесь простой арифметический расчет не оправдался, склад ГСМ получился у меня не на три года, как очень хотелось, а всего-навсего на три месяца: работа не армия, номер не прошел, профессия вышла очень уж краткосрочной. Пошел служить.

(Кстати, медицинская комиссия в армии проверяла нас на годность к летной работе. Между прочим, признала годными! Так что же врачи в нашей одесской поликлинике наврали нам когда-то с Виталей Денисенко, что мы в летчики не проходим? Или это они о родителях наших так заботились?..)

К срочной службе в армии относились тогда как к делу обязательному и, значит, неизбежному. Служба в армии – священный долг, это если с пафосом. Но было выражение и беспарфосное – «воинская повинность». Дорожная повинность, воинская повинность – в общем, смысл такой, что нужно эту работу исполнить, должно исполнить. А раз должно, так и должен. И перед врачами на призывном пункте старались выглядеть не хуже других, здоровыми и даже бравыми. Жалобы есть? Жалоб нет!

Армия в войну – это понятно. А в мирное время срочная служба должна сделать из мальчика мужчину и дать военную специальность. Но бывает, что специальность может пригодиться и на гражданке – в гражданской жизни. Шофер. Или строитель.

А у нас специальность – пулеметчик. В гражданской жизни может пригодиться, только если гражданская война.

Но оказалось, что есть еще одна военная специальность, которая и на гражданке есть. Это журналистика. В армии есть даже выражение специальное – военкор, военный корреспондент. Приобщили и меня. Я сочинял сначала для газеты родной мотострелковой дивизии, потом для газеты родной воздушной армии. Я сочинял, а меня печатали. И не таким уж тяжелым казался ротный пулемет РП-46, заводской номер ЭГ-270.

Отвлечься в монотонной армейской жизни – это, слов нет, подарок судьбы. А краткосрочный отпуск на родину получить за свою писанину – как поощрение от политотдела? Это кому-то снилось? Когда об этом отпуске узнал замполит моей полковой школы, он был удивлен до ярости. За что отпуск? Кому? Прикомандированному от авиации, чужаку? Да еще и за его, замполита, спиной!.. Отпуск, кстати, объявили и за моей спиной тоже, но я, в отличие от замполита, не возражал.

И посетила меня тогда шальная мысль, что так может быть всегда. Что что бы и где бы я ни делал на главной работе, я могу в свободное время заниматься сочинительством. Какая будет главная работа, я еще не знаю, она где-то впереди, а вот вторая специальность вроде бы уже есть.

Однако и в сочинительстве нужно чему-то обучаться. Или самообучаться. И в свободное от службы и от сочинительства время я написал письмо в Москву, в литературный институт. Письмо с просьбой познакомить меня с программой, по которой учатся студенты этого почтенного заведения. И тогда, думал я, мое самообучение сразу примет системный характер. Я буду знать, что читают студенты литинститута в Москве, сам буду читать то, что читают студенты литинститута в Москве, и буду, таким образом, знать все, что знают они... К моему удивлению, в ответ прислали не программу учебы, а условия приема в институт, о чем я вроде не просил. Но первыми удивились, видимо, они...

Тем временем служба моя подошла к концу, я допил свой последний армейский компот, меня демобилизовали, и я вернулся в Одессу. На первых порах – безработный. Подпольный. Потому что в СССР безработных нет. Как нет, соответственно, и посо-

бия по безработице. Зато есть тунеядцы, которые преследуются по закону. Так что спеши, ищи, где можно руки приложить.

Известно, что в Одессе, как в Греции, есть всё – например не только нефтяной техникум, но и целый нефтеперерабатывающий завод (тогда он назывался крекинг-заводом). Вот туда я и напросился. Принимал меня на работу главный инженер Иван Гаврилович. Показал крекинг-установку. «Смотри, – сказал он мне. – Вот стоит под навесом поршневой насос – видишь? А сейчас он сам по себе заработает – видишь? Работает. А сейчас сам по себе остановится – вот, я же сказал! Автоматика!» Здесь, мол, не только руки есть куда приложить, но и голову тоже. Туда я и пошел. Помощником оператора. А сколько платят? Об этом как-то и говорить неловко. Сколько другим, столько и мне. Тут выучиться сначала надо, чтоб суметь, чтоб не краснеть.

Ну а вторая-то специальность – сочинять! И я, побывав уже в ранге военкора, определился в школу юнкоров – при областной комсомольской газете. Правда, юнкоры в школе все великовозрастные. Видимо, смету расходов срисовали одну на всех по «Пионерской правде», а расходы потом сносили уже не по сути, а по смете. Ревизор-то будет смету смотреть, а не паспорта юнкоров! Такой, видимо, закон бюрократии: не бумагу делать под человека, а человека под бумагу... А скоро мы и на бумаге стали взрослыми, нам выдали удостоверения нештатных корреспондентов.

Что же до эрудиции через литературный институт, то чем Одесса не Москва? В университете есть заочное отделение филфака – вот вам и системное самообучение! Жена, правда, возражала. Ваши все (заводские то есть) идут в политехнический, а ты, мол, на какой-то филфак. Так это ж разные вещи! Наши идут в инженеры, а я ведь остаюсь с рабочим классом, с гегемоном. Я в газете нештатный корреспондент, я вхожу в кабинет редактора и, если к слову придется, могу сказать, что мы, рабочий класс, их, штатных журналистов, и направляем куда надо, и кормим, между прочим. И редактор только улыбается, потому что так оно и записано. А что филологический – так это ж для расширения кругозора...

Вот так все и сошлось: основная работа (специальность) есть, сочинительство для газеты (вторая специальность) есть, учеба есть.

В отличие от армии, за публикации в газете платили. И после выхода номера первая приятность – когда видишь свой материал, а вторая – когда приносишь домой неожиданный-негаданный для семейного бюджета гонорар. Конечно, мои газетные заработки были редкими и, в общем-то, случайными. Да и цели такой не было – писать, чтобы жить. Цель была – жить, чтобы писать! Ведь как задумывалось? Работа плюс сочинительство. Вот как планировалось – и во что верилось!

Верилось не только мне. На заводе решали, выделять мне жилую комнату (освободилась в коммуне) или не выделять. Кто-то с сердцем сказал, что, мол, он (то есть я) закончит свою учебу на филфаке и уволится. А главный инженер Иван Гаврилович возразил – нет, мол, он (то есть я) будет, как Чехов (Антон Павлович) – и работать, и писать. Такая была у него уверенность. Однако правы были скептики.

На пятом году учебы жизнь моя стала какой-то неуютной. На заводе смены – по шесть часов, потом по восемь. Дочери уже целых девять месяцев, а места в яслях все нет. В коммуне шесть семей и в коридоре столько же кухонных шкафчиков с примусами. С такой арифметикой уже как-то не до сочинительства в свободное время. Да и где оно, свободное время?

Жизненные ценности начали заново оцениваться, пока окончательно не переоценились. В пользу будущего диплома. В том смысле, что самообразование в дипломе не нуждается, но коль скоро диплом все равно будет, то пусть послужит на семейный бюджет. Или нет? Диплом, правда, сам по себе ничего не обещал, зато – мог вселять надежды, пусть туманные...

Да, прав оказался не Иван Гаврилович, правы были скептики. Не выйдет из меня второго Антона Павловича, с завода я уйду. И уходить я буду в газету. В газету, в журналисты, которых кормит рабочий класс. Уйду в надежде, что рабочий класс прокормит меня не хуже, чем кормится сам. Уйду, потому что работать и жить, чтобы писать, не получалось. Нужно было попробовать работать и писать, чтобы жить.

Итак, в газету, а не в какой-то технический журнал, куда меня приглашает Толя С., мой товарищ по студенческим бдениям.

Положенный нам с женой летний профсоюзный отпуск мы решили провести в Саврани. Самолетом всего два часа – пять взле-

тов, пять посадок – и мы уже на месте. В салоне самолетики после небесных качелей – все запахи местной кухни, жена и дочь, что называется, спали с лица. Но ничего, всё у нас впереди, в том числе звонок в Одессу, в редакцию комсомольской газеты. Уже не областной. Газета, как и ее «юные» корреспонденты, выросла, она теперь зональная. С ней я сотрудничаю все эти годы, редактор из старых, меня знает, ему я и должен позвонить.

Из райцентра в Одессу позвонить не так-то просто. Дважды междугородка соединяла – не заставал редактора на месте. А в таком деле нельзя опоздать, ведь филологов в Одессе хоть пруд пруди...

Мы вернулись в Одессу. Но и из Одессы редактору тоже было не дозвониться. Туман относительно журналистской специальности потихоньку рассеивался. Или сгущался?

Через три месяца после разговора с моим товарищем Толей С. я сам позвонил ему и попросил узнать, нужен ли еще его техническому журналу сотрудник. Он узнал. Нужен. Но. На это место претендует дама, которая должна переехать в Одессу из Питера. Если эта дама почему-либо отпадет, то... Есть еще один парень, тоже филолог, которому тоже обещали. Так вот, если и он сойдет с дистанции, то меня найдут... Завидное место!

Меня нашли – спустя три недели томительного ожидания. При разговоре спросили, сколько мне платят на заводе, а когда я горделиво сообщил, что мой средний заработок – целых 117 рублей, меня сразу предупредили, что должность инженера, на которую меня могут взять, оценивается лишь в 105. Пока. То есть не только журналист не гегемон, но и инженер тоже не гегемон, и потому никак не может получать такую же зарплату. Правда, пока.

Но на какие (временные!) жертвы ни пойдет человек ради надежды, пусть туманной! Я согласился, и меня взяли. В отраслевой научно-технический журнал. Взяли без испытательного срока. На целых сорок лет. И назвали инженером, как когда-то хотела жена...

Я мог стать летчиком или авиатехником. Я мог сваривать трубы большого диаметра или исследовать проблемы микросварки. Я мог монтировать современные крыши – может быть, даже с установкой солнечных батарей! И мало ли что я мог... Но тысяча случайностей (или закономерностей?), и моя специальность – инженер-издатель. Я не остался гегемоном. И не стал сочинителем

в свободное от гегемонской работы время. Но зато я помогал сочинителям-инженерам! Чтобы их читали инженеры-читатели! Разве это плохо? И потом – это был мой хлеб, мне за это платили...

Сорок лет – это сорок лет. Говорят, что сорок – число смерти. Сорок лет водил Моисей народ по пустыне, чтобы умер раб в его душе. Чтобы раб умер, а родился чтоб человек свободный! То есть сорок – это и число смерти, и одновременно число жизни. Умирает одно и нарождается другое, новое... Что умирало во мне эти сорок лет, а что нарождалось?

В четырнадцать лет я задался вопросом – кем быть? Но что такое четырнадцать лет? Ничего! Младенческий возраст! Может быть, это был неправильный вопрос? Думаю, что нет! Ведь устами младенцев, как говорят, говорит истина...

И в самом деле, быть человеком – это еще и делать что-то для других, за что тебе эти другие дадут твой хлеб. А уметь сделать что-то для других – это и есть специальность. Ее надо иметь. Надо иметь специальность.

И что? Неважно, какую именно, важно – чтоб специальность?

А что же гегемон? Непостижимая мудрость? Или большое заблуждение? Разве всякий кровельщик и токарь по дереву лучше других знают, где дорога к счастью? Только потому, что они кровельщик и токарь? Разве им всем, и журналистам, и кровельщикам, не одинаково нужно здоровье или образование? Разве для врачей не нужно придумать и спроектировать прибор и инструмент? Кто кого куда ведет и кто кого кормит?

Нас учили совсем не тому. Во мне умер гегемон, якобы один кормящий всех других мудростью и хлебом. Во мне умер борец с мировым империализмом, борец с алкоголизмом, борец за урожай, за мир... Борец за мир – это кто? Мироборец? А кто же тогда миротворец? Во мне умер...

А кто же во мне родился? Не знаю. В это еще нужно посмотреться...

